

С. В. Архипов

ПОНЯТИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРАВУ

С позиций феноменологической философии исследуется феномен правосознания. На основе анализа трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля автор предлагает новый взгляд на структуру правосознания. Заслуживает внимания оригинальная трактовка понятия «правовая установка» как отдельного элемента структуры правосознания.

Ключевые слова: интенция, ноэза, ноэма, правосознание, установка, феномен, феноменология.

S. Arhipov

The concept of Law Consciousness in the Context of Phenomenological Approach to Law

The article explores the phenomenon of law consciousness from the perspective of phenomenological philosophy. Based on the analysis of Gusserl's transcendental phenomenology author a new view on the structure of law consciousness is suggested. An original interpretation of the concept of "law attitude" as a separate element of the structure of law consciousness is described.

Keywords: intention, noeza, noam, law consciousness, policy, phenomenon, phenomenology.

Одним из недостатков феноменологических концепций права принято считать отсутствие, по определению Р. Мертона, теорий среднего уровня, позволяющих связать абстрактное основание феноменологии права с конкретными исследованиями права как социокультурного феномена. Так, известный теоретик права И. Л. Честнов полагает, что «трансцендентальной феноменологии права не хватает конкретики имманентного, тогда как социологической феноменологии права недостает априорного основания, свойственного всем правовым явлениям» [7, с. 7].

Как представляется, построению теорий среднего уровня в феноменологических концепциях права должен предшествовать анализ содержания и структуры такого понятия, как «правосознание», в том числе и научного правосознания. Это обусловлено особенностью феноменологического подхода к правовой онтологии и правовой гносеологии.

В чем же заключается особенность феноменологического подхода? Основатель феноменологического направления Э. Гуссерль говорит о существовании двух типов реальности: мира естественной установки

(психофизического ego), существующего только как мир феноменов сознания, и мира трансцендентального ego. Причем обычный «жизненный мир» вторичен, поскольку конструируется сознанием трансцендентального ego. Гуссерль говорит об особенности всякого сознания — постоянно быть направленным на предмет. Интенция (т. е. направленность сознания) присутствует всегда как необходимое свойство сознания [3, с. 343–347]. Таким образом, по Гуссерлю, осознание предметности — это интенциональный акт со сложной структурой. Интенциональные акты представлены в виде коррелирующей структуры того, что мыслится (философ обозначает это словом «ноэма»), и самого процесса мышления о предмете («я мыслю»), обозначаемое термином «ноэза» [4, с. 42–44]. То есть всегда, когда осуществляется интенциональный акт, происходит осознание двух составляющих: сам предмет (мыслимое) и само осуществление процесса мышления (путем рефлексии). Как пишет А. В. Поляков, «выделение взаимодополнительных аспектов интенциональности — ноэзиса и ноэмы — важно также с точки зрения методологических задач феноменологии, ибо они служат описанию объектов сознания (ноэма) и описанию процесса их построения или конструирования (ноэзис)» [4, с. 44].

В изложенных выше основах гуссерлевской феноменологии обращает на себя внимание прежде всего оригинальная трактовка понятия сознания. Традиционно под сознанием понимается способность к отражению объективной реальности или результат такого отражения — целостный образ объективной реальности. Аналогично этому определяется понятие правосознания как форма общественного сознания. Так, например, А. Б. Сапельников и И. Л. Честнов пишут, что «правосознание представляет собой отражение в психике правовой реальности, результат которого запечатлевается в виде идей, теорий, эмоций, здоровых мысленных представлений, и отношение субъекта к правовой реальности» [5, с. 270].

Схожих взглядов придерживаются и многие другие правоведы. Однако, по Гуссерлю, объективной реальности (в том числе и правовой реальности), которая существовала бы независимо от сознания, в принципе не существует, а значит, и «отражать» нечего. Как пишет А. В. Поляков, «вне интерпретации (не преломляясь сквозь структурированное языком человеческое сознание) право вообще не существует... право — это не некая независимая от человека объективная реальность» [4, с. 232–233]. Исходя из онтологических и гносеологических представлений Гуссерля, можно считать, что, по мнению философа, трансцендентальное ego и есть сознание. Сознание в рамках феноменологического подхода можно определять как совокупность интенциональных актов. Отсюда следует, что в определенном контексте допустимо использование понятий «сознание», «интенциональность» и «интенциональный акт» как тождественных. Таким образом, *правосознание можно определить как совокупность интенциональных актов, конструирующих феномен права как представленную в едином целом полифоническую реальность интерсубъективного пространства.*

Однако, поскольку структура интенционального акта в целом определяется через ноэму и ноэзу, структура правосознания, в частности, также будет определяться через вышеназванные элементы. Современное нефеноменологическое описание структуры правосознания у разных авторов включает в себя такие возможные элементы структуры правосознания, как правовая идеология, правовая психология, правовые установки, правовые ценности, правовую волю и т. д. Как представляется, все эти элементы можно рассматривать как конкретизацию и уточнение содержания основных структурных элементов правосознания — ноэмы и ноэзы. Слабой стороной большинства современных теорий правосознания можно считать игнорирование (полное или частичное) проявлений бессознательного в право-

вой сфере. Как показывают работы советских и российских психологов Д. Н. Узнадзе, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Г. Асмолова и многих других, бессознательное активно проявляет себя как в сфере познания, так и в практической области.

Но что есть бессознательное с позиций феноменологического подхода? Ответ очевиден: трансцендентальное его может проявлять себя только как интенциональный акт, следовательно, бессознательное необходимо трактовать как сумму интенций. Однако буквальное понимание бессознательного приводит к выводу об отсутствии в структуре этой группы интенциональных актов такого элемента, как ноэза, т. е. осознание его процесса интенциональной направленности на предмет, что противоречит утверждениям Гуссерля о структуре интенционального акта. Для разрешения этой проблемы следует обратиться к работам отечественных психологов по изучению проявлений бессознательного. Так, А. Г. Асмолов указывает на две специфические черты бессознательного: нечувствительность к противоречиям и вневременной характер бессознательного [1, с. 397–398]. «Первая из этих черт — нечувствительность к противоречиям: в бессознательном действительность переживается субъектом через такие формы уподобления, отождествления себя с другими людьми и явлениями, как непосредственное эмоциональное вчувствование, идентификация, эмоциональное заражение, объединение в одну группу порой совершенно различных явлений через «сопричастие»,... а не познается им через выявление логических противоречий или различий между объектами по тем или иным существенным признакам» [1, с. 397].

Вторая черта — вневременной характер бессознательного. В бессознательном, как пишет А. Г. Асмолов, «прошлое, настоящее и будущее сосуществуют, объединяются друг с другом в одном психическом акте, а не находятся в отношении линейной необратимой последовательности» [1, с. 398].

Значит, продолжая мысль российского психолога уже с позиций феноменологии, ноэза бессознательного обязательно будет проявлена в сознательной деятельности индивида, причем субъективно это может быть осмыслено как акт, следующий за возникновением бессознательной интенции, что не соответствует феноменологической действительности.

Исследование бессознательного в отечественной психологии началось в систематическом виде с момента создания Д. Н. Узнадзе теории первичной установки, заложившей начало целой научной школы. Как пишет А. Г. Асмолов, фундаментальным положением школы Д. Н. Узнадзе является положение о том, что «человек приходит в свое настоящее не прямо из прошлого, а *конструирует* (курсив автора) свое настоящее как претворение эскиза будущих действий...» [1, с. 397–398]. Это методологическое положение перекликается с идеями представителей феноменологии А. Шютца, П. Бергера, Т. Лукмана о социальном конструировании реальности.

Теория установки Д. Н. Узнадзе изначально противостояла психологическим теориям в духе бихевиоризма, согласно которым человек есть продукт социализации, а сознание формируется исключительно по адаптационному принципу: внешний стимул — реакция. Согласно теории Д. Н. Узнадзе, под установкой (в том числе правовой) понимается готовность субъекта к реагированию в конкретной ситуации, «... его основная, его изначальная реакция на воздействие ситуации, в которой ему приходится ставить и разрешать задачи» [6, с. 25]. Как подчеркивает Д. Н. Узнадзе, установка не является феноменом сознания, а представляет собой «некоторое общее состояние, которое касается не отдельных каких-нибудь органов субъекта, а деятельности его как целого» [6, с. 59]. Оригинальной стороной теории Д. Н. Узнадзе является идея о существовании двух видов установок: обычная фиксированная сознанием ус-

тановка и первичная установка, предвещающая и определяющая развертывание любых форм психической активности [6, с. 189]. То есть первичная установка — не форма сознательной активности, а сфера бессознательного*. Функция первичной установки проявляется в том, что «... интенция к объекту, заложенная в переживании всякого восприятия, возможно, опирается только на эту неведомую подпсихическую сферу» [1, с. 30]. Д. Н. Узнадзе дает следующее определение первичной установки. Он пишет, что установка — это «... своего рода целостное отражение, на почве которого может возникнуть или созерцательное, или действенное отражение...» [1, с. 37]. Характерно отношение Д. Н. Узнадзе к распространенной точке зрения, что установки формируются в процессе социализации (в том числе правовой социализации). «Среда сама по себе не дает субъекту никакого стимула действия, если он совершенно лишен потребности, удовлетворение которой стало бы возможно в условиях этой среды. Среда превращается в ситуацию того или иного нашего действия лишь сообразно тому, какой мы обладаем потребностью, устанавливая с ней взаимоотношения» [1, с. 49].

Как пишет А. Г. Асмолов, фиксированная и первичная установки проявляются в двух типах деятельности: в деятельности, имеющей значение, и в деятельности, в которой отражается внутренний личностный смысл. Первый тип деятельности связан с фиксированными установками, второй соотносится с первичными (или, по Асмолову, смысловыми) установками [1, с. 72–75]. Значение и смысл — это понятия, выступающие как критерии ограничения двух типов установок. При этом, если под значением деятельности можно понимать важность (значимость) действий, которая осознается Другим, то личностный смысл можно трактовать как суть, основное содержание феномена, определяемое самой личностью, осуществляющей действие. При этом смысл установки может осознаваться, т.е. переходить

из области бессознательного в сферу рационального и оказывать влияние на фиксированные установки (на цели, на условия осуществления деятельности). В качестве примера проявления первичной (смысловой) установки А. Г. Асмолов приводит эксперимент по моделированию ситуации, в которой часть испытуемых сознательно идет на «бескорыстный» риск [1, с. 481–482]. Бескорыстность проявляется в отсутствии награды за риск — одобрения окружающих, известности, материальных благ и т. д. Внешних рациональных стимулов для такого поведения нет, тем не менее, внутренняя неосознанная мотивация подталкивает испытуемых к «бескорыстному» риску.

Обратившись к феноменологии Гуссерля, можно заметить, что с позиций этой философии можно говорить о мире чистых смыслов. Это мир трансцендентного *эго*. Переход к чистому (трансцендентальному) сознанию, по мысли Гуссерля, осуществляется при помощи феноменологической редукции.

Гуссерль разъясняет разницу между позицией естественной установки и позицией трансцендентального *эго* таким образом: «если мы назовем *эго*, погруженное в мир при естественной установке, — в опытном познании или каким-либо иным образом, — *заинтересованным* в мире, то измененная и постоянно удерживаемая феноменологическая установка состоит в расщеплении *эго*, при котором над наивно заинтересованным *эго* утверждается феноменологическое, как *незаинтересованный зритель*» [3, с. 365]. По Гуссерлю, эпохэ есть «радикальный и универсальный метод, посредством которого я в чистоте схватываю себя как *эго* вместе с чистой жизнью собственного сознания, в которой и благодаря которой весь объективный мир есть для меня, и так, как он есть именно для меня» [3, с. 347].

Из вышеприведенных рассуждений можно сделать вывод о тождестве феноменов, описываемых как первичная (смысловая)

установка в психологии и в мире трансцендентального его феноменологии Гуссерля. Это позволяет трактовать смысловую установку как динамический аспект трансцендентального его. Таким образом, структура правосознания характеризуется наличием двух элементов — ноэмы и ноэзы, при этом ноэма имеет, в свою очередь, сложную структуру, включающую в себя правовые смысловые установки и правовые фиксированные установки (динамический аспект ноэмы).

Другим нединамическим аспектом ноэмы как элемента структуры правосозна-

ния (помимо правовой идеологии и других возможных элементов ноэмы, не относящихся к чистому смыслу права, могут служить чистые смыслы сознания о праве, взятые в отрыве от конкретного деятельного начала.

Как представляется, подобная трактовка понятия правосознания с позиций феноменологического подхода позволяет по-новому взглянуть на проблему соотношения сознательного и бессознательного при конструировании феномена права, наметить новые пути построения феноменологической методологии права.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Правоведы, заимствовав в отечественной психологии понятие установки, полностью проигнорировали часть психологических концепций, касающихся первичной (или, по Асмолову, смысловой) установки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. 480 с.
2. Гуссерль Э. Феноменология // ЛОГОС. 1991. № 1. С. 12–21.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 752 с.
4. Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 864 с.
5. Сапельников А. Б. Теория государства и права / А. Б. Сапельников, И. Л. Честнов. СПб.: ИВЭСЭП; Знание, 2006. 279 с.
6. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки // Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
7. Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2 (241). С. 4–16.

REFERENCES

1. Asmolov A. G. Po tu storonu soznaniya: metodologicheskie problemy neklassicheskoy psihologii. M.: Smysl, 2002. 480 s.
2. Gusserl' Je. Fenomenologija // LOGOS. 1991. № 1. S. 12–21.
3. Gusserl' Je. Logicheskie issledovaniya. Kartezijskie razmyshleniya. Krizis evropejskih nauk i transtsendental'naja fenomenologija. Krizis evropejskogo chelovechestva i filosofii. Filosofija kak strogaja nauka. Minsk: Harvest; M.: AST, 2000. 752 s.
4. Poljakov A. V. Obshchaja teorija prava: Problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podhoda: Kurs lektzij. SPb.: Izdatel'skij dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2004. 864 s.
5. Sapel'nikov A. B. Teorija gosudarstva i prava / A. B. Sapel'nikov, I. L. Chestnov. SPb.: IVESEP; Znanie, 2006. 279 s.
6. Uznadze D. N. Eksperimental'nye osnovy psihologii ustanovki // Psihologija ustanovki. Spb.: Piter, 2001. 416 s.
7. Chestnov I. L. Pravoponimanie v epohu postmoderna // Pravovedenie. 2002. № 2 (241). S. 4–16.